

А.ЛАНИУС

**САМАЯ БОЛЬШАЯ
РАДОСТЬ ДЛЯ
МУЖЧИН...**

18+

Андрей Ланиус

**Самая большая
радость для мужчин**

«Автор»

2026

Ланиус А.

Самая большая радость для мужчин / А. Ланиус — «Автор»,
2026

Приключения Вячеслава Коробкина, журналиста республиканского газеты,
прозаика и комедиографа.

Содержание

Глава 1 Вариант Ч	5
Глава 2 Записки Ч	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Самая большая радость для мужчин

Глава 1 Вариант Ч

Коробкин не чувствовал своих ног, не чувствовал, что руки его скользят в грязной жиже. Сквозь полуприкрытые веки он увидел яркий свет автомобильных фар. Хлопнули дверцы.

- Смотри! Живой еще, сволочь!
- Что будем делать? Перо в бок, мясо в реку?
- Не знаю, надо хозяину доложить. Мы свое сделали. Понял?
- Может, оттащить падаль подальше?
- Брось! Подохнет шелкопер и так.
- А если нет? Шевелиться, падла! Может, прикончим, а?
- Оставь! До утра сам концы отдаст. Улики нам ни к чему, понял? А так - несчастный случай, пока все чисто. Понял?
- А если хозяин спросит?
- Мы свое дело сделали, понял?!

Опять шум машины. Похоже, они уехали.

Щелкопер же погрузился во мрак и холод. Неужели за ним сейчас придет Танат - с мечом в руках, в черном плаще, с громадными черными крыльями -, и заберет Коробкина в царство Аида?

- Минимальное давление не определяется. Максимальное падает.
- Мягкие жемы.
- Пульс пропал.
- Адреналин в сердце. Полиглюкин в сердце. Быстро!
- Давление нормальное. Можно продолжить.
- Зажимы... Шарики... Ранорасширитель... Зажимы!

Не было света. И не было тьмы. И был голос...

- Скажи, ты забираешь меня к себе?
- Ты во власти времени. Твое время грядет. Мойра Клото прядет твою жизненную нить.
- Значит у меня есть время. А почему не будет наказано зло?
- Наказание есть зло. В тебе говорит сейчас зло. Ты не можешь судить.
- Что-то философское. Но зло не победить добром.
- Не убивай добычи, когда ты в храме; а кто убьет умышленно, то воздаяние – скота

столько же, сколько он убил.

- Все это слова, слова, слова! Болтовня!

Он ждал смерти. И жаждал познать истину, обрести правду и покой.

- Кто может установить правоту охотника и его дичи? Кто рассудит?
- Вы – люди. Самые справедливые из вас. Каждый судья вкушает вред и пользу своего решения.

- Вот, ты говоришь, вкушает пользу, значит, не свободен в выборе? Чтобы торжествовала справедливость, судья не должен иметь сердце? Голова его должна быть холодной, как лед?

- Не ведаешь, что говоришь. Справедливость заключена в человеческом сердце.
- Это опять слова. Это только слова.

Умиравший вдруг понял – он говорит в пустоту.

- Ты уходишь? Бежишь от меня. От подобия своего?

Ответом было падение. Он неотвратимо и легко скользил в пустоту. И странным было это падение: будто его распирает изнутри и он раздувается. И вот-вот лопнет.

«Вот и все, - подумал он.- Вот и конец... Как глупо все получилось. Глупо жил и глупо умер.»

- Подсудимый Нуриев, встаньте!

- Я стою, гражданин Председатель.

- Вы признаете вашу вину?

- Да. – Нуриев склонил голову. – Я признаю свою вину и прошу учесть мое чистосердечное признание, гражданин Председатель.

- Ответьте, обвиняемый Нуриев! Почему вы приказали убить журналиста Коробкина? Неужели вы надеялись остаться безнаказанным?

- Но я не хотел его убивать. Он сам угрожал моей жизни. А я это стерпеть не мог, клянусь мамой.

- Подсудимый Нуриев, у вас обнаружено денег, золота, драгоценных камней и прочих ценностей на сумму...

- Не надо называть сумму - взвизгнул Нуриев и тут же извинился: - Суду известно сколько у меня нашли, я тоже знаю, зачем же это знать остальным, гражданин Председатель?

- Прошу не перебивать!

- Простите, я не хотел.

- Разрешите я проучу наглеца? – из-за спины Председателя вышел грозный тип с единственным глазом во лбу.

- Я больше не буду! – взмолился Нуриев, молитвенно сложив на груди ладони.

- Зачем вам столько денег? – спросил Заседатель. – Ведь вы даже сотую часть не смогли бы потратить из накопленного за оставшуюся жизнь? Где ж вы столько добра нагнали, мил человек?

- А разве люди собирают богатство, только для того, чтобы его тратить? – уверенно парировал Нуриев и улыбнулся. – Деньги – это власть над миром! Это полет духа! Это ощущение своего могущества! Это...

- Мы отвлекаемся, обвиняемый Нуриев, - постучал по столу Председатель. - Надеюсь, вы понимаете, что вас ждет суровое наказание?

- Гражданин Председатель, по закону я имею право на адвоката, так?

Председатель переглянулся с Заседателем и сказал:

- Да, имеете. Мы можем назначить вам адвоката.

- Адвоката я хотел бы выбрать сам.

- Хорошо. Судебное заседание по обвинению Нуриеву откладывает ввиду отсутствия адвоката и переносится на...

- Неопределенное время, - хитровато подсказал Нуриев и добавил. - Ведь адвокат должен ознакомиться с делом, а для этого нужно время.

- Разреши, Председатель, я откушу его поганый язык? – снова выступил из-за спины одноглазый.

- Ты это успеешь сделать, - сказал Председатель палачу. –Требования обвиняемого законны...

Садыков, оглядевшись направился к черной «Волге», на заднем сиденье коей возлежал Нуриев.

- Ну что? – нетерпеливо спросил Нуриев, когда Садыков сел в машину рядом с водителем и захлопнул дверцу. – Видел его?

- Нет, - ответил Садыков, - Врач не разрешил. Говорит, он в тяжелом состоянии.

- Жить будет?

- Гарантии нет, но...

Садыков съехал под тяжелым взглядом.

- Если он останется жить, - страшным полусшепотом сказал Нуриев, - не завидую я вам.

- Но второй умер. Уверены, что и Коробкин до утра откинет копыта.

Нуоиев не ответил. Он сидел, откинув назад голову и прикрыл веки. « Идиоты! С таким простым делом не справились. Убрать настырного журналиста. Болваны! Теперь надо идти на ненужные контакты. Леня этих баранов может дорого обойтись. Нет, хочешь не хочешь, а придется говорить с Яхьяевым. Мужик он понятливый вряд ли ему захочется портить со мной отношения. Надо будет ему пообещать содействие. У них там есть, кажется ,вакансия... Это мысль. Надо поговорить с Яхьяевым...»

- Куда едем, хозяин? – спросил водитель.

- Давай к Яхьяеву, - не открывая глаз, риказал Нуриев. – Яму копали мыши, а отвечать приходится быкам.

Яхьяев лично проводил Нуриева до машины, открыл перед ним дверцу, помог сесть:

- О деле не беспокойтесь, Карим-ака, - говорил он скороговоркой.- Поручу Карабаеву, а он парень толковый и понятливый. Найдет виновных... эээ... нужных... что бы это ему не стоило.

- Это обязательно, - кивнул Нуриев,- Чтобы в Ташкенте не подумали о нас плохо, какой, мол , у них бардак в районе!- Что вы! Что вы, хозяин, - засмеялся Яхьяев. – Только на ваш авторитет надеемся! Недаром в Ташкенте, как только узнают из какого мы района лица меняются, голоса сладким становятся. Старики правильно говорят: у хорошего хозяина и простому работнику хорошо живется.

- Не скромничай. Ты все еще в прежнем чине?

- Так получается, хозяин!

- Почему молчал? Я поговорю с кем надо. Готовь стол, скоро обмоем твою новую должность.

- Спасибо вам, Карим-ака! – Яхьяев подобострастно согнулся и замер в почтительном поклоне.

Яхьяев хорошо помнил судьбу своего старшего брата. Не дай Бог испытать гнев Нуриева.

Когда старшего брата назначили районным прокурором, то он получил анонимный пакет с разоблачающими материалами на Нуриева. Тут же открыл дело. Стал копать.

А дальше... Через три дня прокурора отстранили от дела, а через неделю сняли с работы: за грубость, за близорукость, за неуважение к ответственному работнику, компрометацию руководящих кадров, за... ну и т д и т п.

Каких только ярлыков не приклеили к опальному прокурору. И никто не смог ему помочь. Собственно никто и не пытался.

Брат теперь работал в другой области, в адвокатской конторе. Он как-то быстро опустил. Его , точно гранат, выжали и отбросили в сторону. Он сразу облысел, стал попивать, за собой не следит, жена ушла от него, оставив ему сына, который относился к отцу как к неудачнику, почти не бывал дома, бросил школу после восьмого класса и работал в шашлычной.

Судьба старшего брата поразила младшего.

Старший окончил школу с золотой медалью, и в университете ему прочили яркую научную карьеру, но он отказался от аспирантуры и избрал практическую должность. После рас-

пределения он попал в республиканскую прокуратуру, а потом, через два года получил назначение прокурором района. Все понимали, что район – это для него трамплин для дальнейшего разгона. И вдруг... крах.

Младший брат Закир Яхьяев сделал вывод и стал верный слугой Карим-ака.

- Разрешите! Вызывали?

- Входи, Карабаев, - кивнул Яхьяев. С минуту он смотрел на следователя, словно никак не мог вспомнить, зачем он его вызывал. – Все правильно, таков закон жизни.

- О чем вы, уважаемый Закирджан – ака? – не понял Карабаев.

- Осторожны мы должны быть в своей работе, - сказал Яхьяев, подвигая к следователю тонкую папку. – Наша работа – то же самое, что и работа минеров. Либо ты подорвешься, либо тебя подорвут. – Видя, однако, что Карабаев не понимает, кивнул на папку. – Займись этим делом.

Карабаев открыл папку, быстро пробежал глазами рапорт дежурного инспектора ГАИ, протокол допроса некоего Штоффа Ефима Иоахимовича, который привез потерпевшего Коробкина в больницу.

Наконец, он поднял вопросительный взгляд на своего многоуважаемого начальника:

- Будут какие-нибудь указания?

- Какие могут быть указания! – развел тот руками и улыбнулся.

Ему нравился Карабаев. Молодой, исполнительный, без всяких столичных выкрутасов, хотя, он слышал, у молодого следователя есть, как говорится, рука в Главном Управлении и он мог бы остаться в Ташкенте, но почему-то выбрал периферию.

- Разберись как можно быстрее, виновных накажи, если таковых нет, обоснуй все и – в архив. Дел у нас много, сам знаешь.

- Понятно. Разрешите идти?

- Иди! Постой... вот еще что... проверь этого потерпевшего ... на алкоголь. Говорят он ехал с какого-то банкета... за рулем.

- Проверю. Можно вопрос?

- Да.

- Простите, а откуда такая информация?

Яхьяев посмотрел на подчиненного удивленно.

- Просто в деле не увидел ни строчки про алкоголь – пояснил Карабаев.

Яхьяев задумался:

- Он же вроде возвращался из объединения Нуриева и там был какой-то банкет. Вроде бы...

- Я все понял...

- Вот-вот. Поговори с врачами. Они должны быть провести экспертизу на алкоголь. – Яхьяев помолчал и добавил. – А если они этого не сделали, это уже вина врачей. Сам понимаешь, какая улика...

- Товарищ начальник, эээ, товарищ начальник, я уже начинаю жалеть, что поступил как порядочный, что остановился и что подобрал этого Коробкина на дороге! Права была моя жена, сто раз права, - продолжал бормотать Штофф – проезжай мимо, говорила она, затаскают потом по милициям, мучений не оберешься.

- Она так говорила?

- Не совсем так, конечно, - спохватился Штофф, - Честно говоря, она вообще не могла так сказать, потому что мы тоже люди и подобное может случиться со всяким. И с вами тоже, не

дай бог... Но... любой человек знает и старается обойти стороной подобный инцидент, чтобы, так сказать, не попасть в свидетели...

- Перейдем к делу, Ефим Иоахимович, - вновь склонился над протоколом Карабаев. - Я правильно назвал ваше имя?

- На удивление правильно! И поверьте, даже там, где я работаю уже несколько лет, а у вас записано, где я работаю – заместителем директора научно-исследовательского института с очень длинным названием «Узгипронииздрав», работа очень хлопотливая – тому квартира, тому телефон, тому еще что-то, а где и как доставать – никого не волнует. Вынь и положь.

- Заместитель директора? – во взгляде Карабаева вспыхнул огонек.

- Все правильно, заместитель директора по хозяйственной части. Так вот, даже там мало кто правильно произносит мое имя, а вы сразу и без ошибки.

- Работа такая.

- И память тоже.

- Когда вы подобрали потерпевших...

- Одного потерпевшего, - поправил следователя Штофф. – Второй был уже... как бы это выразиться... Он уже не дышал.

- Вы это точно установили?

- У меня жена с почти двадцатилетним стажем медицинской сестры.

- Понятно. Вы когда остановились... вспомните хорошо, не заметили вы какую-нибудь машину? Может, шум слышали?

- Какой там шум, ночь глубокая была. И дождь такой, что хороший хозяин собаку не выгонит, но то что люди...

Баларгимов сказал Коробкину:

- Как бы к ночи дождя не было... Ты чего хмуришься, Слава?

Он взглянул на задумавшегося Коробкина, на секунду отвлекся от дороги и тут же машину сильно потряхнуло на проселочной дороге.

Коробкина бросало в сторону, как куль с картошкой в кузове грузовика.

- Каждый год ремонтируют дороги, тратят сотни тысяч а толку никакого, - ворчал Баларгимов, пытаясь лсторожно вести машину по ухабам. – Сначала дождь, потом снег, мороз, а весной снова отремонтируй дорогу, трати народные средства. Неужели нельзя придумать какой-нибудь раствор, покрытие специальное, ведь сколько средств можно было сэкономить!

- Придумали уже. В ФРГ. Только очень дорого обходиться. Специальный состав из битума, стекла и еще каких-то добавок.

- В ФРГ... А чем мы хуже?

Коробкин молчал, думая о своем.

Баларгимов гаркнул:

- Опять думаешь? Ты уже выиграл бой, а Нуриева очень трудно прижать! Что там трудно, невозможно! Он любого купит и продаст!

- Брось! – поморщился Коробкин.

- Что брось? Тебе самому не сладко в жизни было. Сорок лет уже тебе, писателем стал, книги пишешь, а все как неопытный ребенок рассуждаешь.

- По твоему человек – сволочь и его может купить и продать любой?

- Да. Потому что это Нуриев. Его не только в районе, но и в республике бояться.

- А я не боюсь.

- Романтик. А я реалист и не верю, что у тебя выйдет что-нибудь с Нуриевым.

- Поживем-увидим.

- Вспомни его лицо, когда ты сказал ему о своем отъезде, он же смеялся над тобой.

- Каждой дело имеет конец, а твой Нуриев...

Яркий, точно вспышка магния, ослепляющий свет ударил по глазам.

- Черт! – закричал Баларгимов, инстинктивно выворачивая руль вправо.

- Что это? – и в этот момент страшный удар выбросил Коробкина из машины.

В угасающем сознании Коробкин различал очертание машины, в десятке метров от себя.

И тут же, будто небо расколосось и обрушилось на него.

«Конец!» - успел подумать, и темнота окутала его.

... Его ждала другая судьба!

Прошло много времени с того момента, когда Будда Шакьямуни, он же Сиддхартха Гаутама – великий отшельник и мудрец – погрузившись в нирвану, предсказал народам земли тяжелые страдания и лишения, которые претерпит человек в своем поиске истины и всеобщего блага.

Прошла еще не одна сотня лет, расцветали и приходили в упадок империи, рождались и умирали государи, наводящие ужас на целые народы.

В один из солнечных дней, за три года до рождения Темучина, вышел к людям сакьяский Гунга Нинбо- лама, вышел к людям и сказал:

- Кажется, не знают еще народы, что по повелению Великого Неба родится человек и станет он Великим Каганом, и будет он властвовать над народами.

И еще хотел сказать он, что время это будет страшное для всех живых людей и живые будут завидовать мертвым.

Хотел сказать, но не сказал...

Призвал к себе сына Есугэй- багатур.

- Приснился мне сон, Темучин. Черный ворон сел на крышу нашей юрты. Плохая это примета. Поэтому решил я найти тебе жену, чтобы ты породнился с могучим родом.

Молча выслушал отца Темучин. Ответил сдержанно:

- Ты решил, значит, так и будет.

И поехали они к хонгхиратам – прекраснощекие девушки этого рода славились у монголов красотой и верностью.

Хорошо встретили хонгхираты Есугей – багатура. Каждый хотел породниться с именитым гостем, приглашал в свою юрту. Но тут выступил вперед предводитель Дай Сэцэн. Понравился ему Темучин, в глазах мальчика он увидел огонь неукротимый.

- Сват Есугэй, - сказал он и взял его коня под уздцы. – Снился мне сон этой ночью: прилетел ко мне бурый сокол, и держал он солнце и луну. И опустил он на мою руку. И вот теперь и увидел в твоём сыне того сокола, и в душе моей стало светло. Войди в мою юрту, посмотри на мою дочь.

И Темучин увидел дочь, и в ее глазах пылал огонь, и отражался он на белом лице ее.

- Как тебя зовут? – спросил ее сын Есугэя- багатура.

- Бортэ. Отец мой бесстрашный предводитель Дай Сэцэн.

- Ты мне понравилась. И скоро станешь моей женой.

Засмеялась Бортэ:

- Ты слишком мал. Мой отец никогда не отдаст меня за тебя.

Промолчал Темучин, нахмурился и крепко сжав ее руки, втащил в юрту.

Дэй Сэцэн и Есугэй – багатур внимательно смотрели на них.

- Вот моя жена, - сказал Темучин и посмотрел на отца, ожидая решение.

- Пусть будет мой сын тебе зятем, - сказал Есугэй- багатур Дай Сэцэну.

И положил перед отцом невесты подарки, которые приготовил на такой случай: золотые украшения работы китайских мастеров, венок из тончайших серебряных нитей, браслеты в виде змей, кусающих себя за хвост.

- Если отдать, когда много просили, то себя уважишь, - сказал Дай Сэцэн. – Если отдать, когда мало просили, то себя унижить. Девушка предназначена мужчине. Нет такого закона, чтобы состарилась она у родной двери. Отдам я свою дочь.

И он обнял Темучин за плечи одной рукой, другой рукой обнял свою дочь Бортэ, которая стыдливо опустила глаза.

- Оставь сына твоего у меня в зятях и поезжай!

Так они порешили и стали сватами.

Уехал Есугэй-багатур по срочным делам, а на обратном пути, когда он возвращался справить свадьбу сына и Бортэ, враги отравили его, подмешав ему яд в кумыс.

Где-то рядом, на кухне наверное, капли воды ударялись о дно раковины через равные промежутки времени, точно кто-то вбивал деревянные гвозди в его дремавший мозг.

Нужно встать и прикрутить кран.

Мужские голоса.

- Спит?

- Глаза закрыты.

- Сестра говорила, он в газете работает.

- Тебе говорит что-нибудь фамилия Коробкин?

- Коробкин? Не помню, что-то знакомое... Начальник какой-то?

- Послушай, Бабаев! Ты какие книжки прочитал за свою жизнь, кроме школьной программы?

- Нет, я неграмотный!

- Вячеслав Коробкин, это писатель и журналист.

Писатель? Врешь! Никогда не видел живого писателя. А что он написал?

« Ну, вот, - подумал с тоской Коробкин.- Нашли наверное, в кармане членский билет , командировочное удостоверение...»

Он вспомнил, что в портфеле лежала его книжка «Нить Ариадны», которую он купил в районном магазине. Конечно, по этой книге они и узнали о его профессии.

Прежде чем сознание снова покинуло его, Коробкин успел подумать о Баларгимове. Надо спросить, как он себя чувствует и куда его положили.

Нужно встать. Неужели никто не слышит, что кран плохо прикручен?

Коробкин изо всех сил старался вспомнить, где он находится, что же произошло?

Голова начинала раскалываться от этих монотонных тупых ударов.

Нет, надо все же встать. Резко, как он это обычно делает, когда просыпается по утрам и долго не решается подняться с постели.

А ну-ка, парни!

В ту же секунду тысячи тончайших иголок впились ему в тело и пригвоздили к кровати. Коробкин застонал, попытался открыть глаза.

Свет.

Открылась дверь и в палату вошел Тихомиров. Он был опытный хирург, главный врач больницы, на операции к нему приезжали даже из столичных клиник. Его операции послужили практическим материалом не для одной кандидатской диссертацией. Всем было известно, что при желании Тихомиров давно бы мог стать профессором и даже академиком, его не один раз

приглашали в столицу возглавить кафедру в институте, но он отказывался. А в кругу близких Тихомиров признавался, что по настоящему хирургом его сделала война, когда не было времени для страха, для сомнения. На фронте он оперировал ежедневно столько, сколько сегодня иной хирург делает в месяц. Трудно представить, как человек может выдержать такое напряжение, а он выдержал. И проклятие в свой адрес, когда резал по живому, отнимал изуродованные конечности без всякого наркоза. И ругань, и смерть. И лица умерших будоражили память. Вот вваливается к нему в палату полевого госпиталя лейтенант, в первом же бою ему раздробило обе ноги, но он сам дополз до медсанбата и с надеждой смотрел в глаза доктору. А Тихомиров молчал и отводил глаза. Лейтенант умер. Как и тот солдат, который руками прижимал свои внутренности и что-то говорил, но смерть уже наложила на его лицо свою печать.

За годы войны Тихомиров научился видеть и чувствовать ее присутствие, распознать ее ледяную метку на обреченных больных, и опять, как много лет назад он язык отказывался повиноваться ему, не в силах он произносить казенные слова утешения.

Тихомиров без колебания вступил в изнурительную многочасовую борьбу со Смертью и вернул к жизни своего пациента, молодого писателя и журналиста. Утром пациент открыл глаза.

Теперь дело за организмом, вступившим в генеральную битву за жизнь.

В палате, кроме Коробкина, была еще два пациента. Голоса этих людей слышал Коробкин в полубабытее.

Один носил гордую фамилию Бабаев, другой - Ложкин.

Бабаев держал дома несколько коров и жеребенка. И однажды, когда он нес ведро с водой, чтобы напоить коров, жеребенок неожиданно лягнул его и попал в пах. Было больно! Очень! Когда Бабаева в тяжелом состоянии привезли в больницу, в операционной выяснили, что у него еще и перитонит – гнойный аппендицит.

У Ложкина была повреждена грудь. Он попал в аварию... во время полета на дельтоплане. Неудачно приземлился.

Тихомиров подошел к Ложкину, проверил гипс на груди:

- Как дела, пилот? Не давит? Не болит?

- Нет. На мне как на кошке...

- Еще полетите?

- А как же?! Ребята уже восстановили мой дельтоплан. Хочу моторчик к дельтоплану приспособить. В «Мотор ревю» читал, что чехи уже приспособили для этой цели мопедовский мотор.

- Второй раз не приму, - пошутил Тихомиров.

- А я второй раз не разобьюсь больше!

- А у вас как дела? - повернулся к Коробкину Тихомиров.

- Спасибо, доктор, - едва пробормотал писатель.

- Температура?

- Тридцать семь и четыре, - ответила медсестра.

Тихомиров осмотрел шов на груди.

- Болит?

Коробкин слегка качнул головой.

- Ничего, - успокоил его Тихомиров. – Мне принесли вашу книгу. Во время чтения у меня возникли несколько вопросов.

- Я вас слушаю, доктор.

- Прямо сейчас?

- Давайте, доктор! Чего тянуть?

- Ну что ж...

Доктор задумался, вспоминая прочитанное и собираясь с мыслями.

Заговори медленно:

- Книга ваша написано человеком откровенно равнодушным, достаточно способным. Вы можете установить точный диагноз болезни, ваша экспрессия заражает. Говорите, разоблачаете опасную болезнь сегодняшнего дня – накопительство, очковитительство, бюрократизм и взяточничество.

- Почти по Ленину , - раздался голос Ложкина.

- Что вы сказали? Обернулся к Ложкину Тихомиров.

- Все правильно, - сказал Коробкин. – Еще Владимир Ильич говорил, что три врага угрожают Советской Власти: это бюрократизм, комчанство и взяточничество.

- И вы верите в то, что это зло искоренимо?

- Верю .

- Более шестидесяти лет борется с этими негативными явлениями нашей жизни Советская Власть, органы прокуратуры, правопорядка. И, как мне известно, настроены не так , как вы!

- И все же я верю в лучшее, что заложено в человек, - сказал Коробкин. – Иначе быть не должно, и за это лучшее мы обязаны бороться. Если человек богат духовно, если он воспринимает и чувствует красоту, гармонию, оттенки красок, такой человек неподвластен коррозии. За такого человека и стоит ломать копья.

- Вы мне напоминаете славного Дон Кихота, - проговорил доктор. – И, наверное, это очень хорошо, что среди нас есть такие люди, которые обладают чуткой душой и сердцем. Очень хорошо.

Коробкин только улыбнулся в ответ.

- Выздоровливайте!- попрощался главный врач и покинул палату.

- А вы правда писатель?

Бабаев недоверчиво смотрел на Коробкина. Ложкин тоже повернулся вполоборота и поднял голову.

« Какой я писатель! Одна повесть, несколько рассказов и сразу писатель! »- Хотел ответить Коробкин, но почувствовал, что снова падает куда-то вниз. И вместе с падением в груди стала подниматься легкая тошнота, как в самолете, когда он проваливается в воздушные ямы...

Одна повесть и несколько рассказов – это конечно не все, что написал Коробкин. Слишком строго подходил он к своему творчеству, имея на своем счету несколько «толстых» книг. А может , это и правильно, ведь кто, как не автор, знает цену своим произведениям... Разве не больно тебе, не бежишь ты из книжного магазина, на полках которого пылятся твои ранее вышедшие и никого не заинтересовавшие книги с пожелтевшими от времени обложками? Еще чувствительнее, когда твое самолюбие раздирает об острые пики насмешливых взглядов, которые тебе чудятся в каждом встречном, когда ты становишься свидетелем продажи своей книги в виде нагрузки к произведению твоего удачливого коллеги !

И тогда ты бежишь домой, рвешь на мелкие клочки только что написанное, ломаешь машинку, даешь себе страшную клятву больше никогда не прикасаться к перу и забываешься тяжелым беспокойным сном. И действительно, выдержишь несколько дней, а может быть, и месяцами избегаешь знакомых, чтобы не слышать вопросы « над чем, старик работаешь? Признаться, что-то сногшибательное создаешь? Хочешь стать живым классиком? » А когда к тебе вдруг подходит один из тех чье творчество никем не воспринимается серьезно, но кто исправно ежегодно издает книгу за книгой, устраивает на каждый свой нетленный труд по куче рецензий, в которых критики с закрытыми глазами и заткнутыми ушами доказывает актуальность и жизненную необходимость данного произведения турбореализма, его воспитательное значе-

ния и так далее и тому подобное, ты тупо киваешь, сдерживаясь из последних сил, чтобы не взорваться, когда он снисходительно хлопает по плечу и говорит с напускным равнодушием : « Прочитай, старик! Мне было бы интересно узнать твое мнение». И отходя от тебя, мимоходом как бы замечает: « Вдруг что-нибудь напишешь о ней! Да, кстати, если надумаешь... я сам пристрою твою рецензию в газету или журнал. Смотри, старик. Печать я гарантирую». И ты знаешь, что это так и есть: гарантирует.

И дома ты достаешь свой старый добрый «Consul» и нервно отстукиваешь на ней рецензию с искренней оценкой произведения, хотя знаешь, рецензию никто не напечатает, и все же не можешь остановить себя. Потом рождается еще одна рецензия на подобную книгу, и снова ее не печатают, тогда ты с замирающим сердцем достаешь разорванную рукопись и с радостью констатируешь, что ее можно склеить, перепечатать... И все начинается сначала...

Коробкин вспомнил, что в портфеле лежала рукопись «Звездочетов», книги, которой он начал писать еще в годы лихой университетской жизни.

До сих пор меня не покидает ощущение, что много лет назад я прикоснулся к самому краешку одной древней тайны.

Случилось это в июне 1971 года в Каракалпакии...

“ В ту пору в качестве молодого прораба я строил высоковольтную линию электропередач от поселка Шахаман, расположенного “там, где кончается асфальт”, к еще более глухому поселку Казахдарья, где вообще не было никакого асфальта. Наш лагерь – два вагончика на колесах – базировался на окраине Шахамана. С точки зрения энергетики, трасса была простенькой - всего-то около сорока километров. Притом, между двумя поселками простиралась плоская безлюдная степь: ни холмов, ни косогоров.

Тем не менее, ежедневная езда на работу и обратно являлась для бригады жестким испытанием нервов. Дело в том, что степь была покрыта твердыми как железо кочками. Машина прыгала на них, словно резиновая. А вместе с машиной невольно прыгали и мы. Каждые десять секунд. После такой езды даже самые выносливые монтажные зубры подолгу приходили в себя. И вот что странно: в процессе езды кочки не сглаживались, а делались еще бугристее.

Поэтому, построив трассу до середины, разумнее было перебазироваться в Казахдарью. Но среди нас нашлись противники переезда.

Бульдозерист Геннадий Петров, ссылаясь на некую медсестру – близкую знакомую его жены, упорно твердил, что вдоль южного побережья Арала, в этих глухих, нетронутых местах, еще встречаются прокаженные. Недаром же на острове Барсакельмес расположен секретный лепрозорий! Иногда прокаженные бегут оттуда и селятся небольшими группами в прибрежных камышах, промышляя ловлей рыбы и охотой на птиц. Пока поймешь что к чему, зараза уже прилипнет к тебе. Нет, вещал Геннадий, уж лучше протрястись на кочках, чем провести остаток жизни в лепрозории!

Геннадий был известным паникером. Нередко над ним смеялись, но на этот раз он приобрел в бригаде сторонников. Само слово “проказа” вызывало в подсознании священный трепет.

Однако же, кочковатая дорога на трассу и обратно изматывала нас всё больше с каждым днем.

Наконец, доводы рассудка победили, и мы решили съездить в Казахдарью всей бригадой, чтобы осмотреться и по возможности выбрать место для лагеря.

Казахдарья оказалась весьма крупным, широко разбросанным поселком, вытянувшимся вдоль южного берега Аральского моря. Народ здесь жил исключительно рыбным промыслом и подсобным хозяйством.

В поселке имелся все приметы цивилизации – площадь перед сельсоветом, магазины, школа, больница... Имелся даже собственный аэропорт – спланированная земляная площадка, куда дважды в неделю прилетал кукурузник из Нукуса. Как раз к моменту нашего появления этот АН-2 стоял на взлетной полосе.

Осмотр поселка и его окрестностей, как и здоровый вид его жителей, произвели, похоже, благоприятное впечатление даже на нашего бульдозериста. Геннадий уже не напоминал нам о проказе и явно склонялся к согласию на переезд.

Наискосок от аэропорта размещалась небольшая пекарня. Здесь, к нашему удивлению, пекли не лепешки, как повсюду в сельской местности Средней Азии, а хлеб кирпичиком. В небольшой очереди мы увидели пилота – определенно с того самого кукурузника. Здесь же находился плотный усатый абориген в дорогом импортном костюме и при галстуке. Блуждающая улыбка, похоже, никогда не покидали его смуглого, круглощекого лица. Едва мы подошли, как он приветствовал нас, будто старых знакомых. Спросил, не те ли мы парни, что строят к поселку ЛЭП? Затем объявил, что его зовут Амангельды, что он ответственный работник из Нукуса, а сюда регулярно прилетает, чтобы проведать родственников. Чего-чего, а общительности ему было не занимать.

В этот момент пекарь вынул из печи поддон с горячим хлебом, который разошелся мгновенно. Не менее половины поддона забрал Амангельды.

Складывая буханки в большую полотняную сумку, он разъяснил нам, что в Казахдарье пекут такой замечательный хлеб, равному которому не найти во всей Каракалпакии и даже в Хиве. Лично он перед обратной дорогой всегда покупает несколько буханок для своих столичных друзей.

Амангельды говорил бы и еще, но тут пилот поторопил его, и они оба направились к самолету.

Поскольку выпеченный хлеб закончился, мы оставили возле пекарни водителя, а сами разбрелись по поселку, условившись встретиться на площади.

Вскоре я оказался возле лавочки с вывеской на русском языке “Книги”. Как же было не зайти в нее?

В тесном помещении царил полумрак. Не успел я оглядеться, как за спиной раздался голос:

- У нас есть русские книги тоже.

Я повернулся и невольно вздрогнул.

Передо мной стоял то ли человек, то ли призрак.

Всё его лицо, кроме глаз, было перебинтовано, но и глаза закрывали глухие синие очки, а широкополая шляпа была надвинута глубоко на лоб. Длинный плащ, нелепый в жаркую погоду, скрадывал особенности его фигуры.

Мысль о проказе неодолимо вспыхнула в моем сознании.

- Я ждал вас, - сказал этот странный человек, шевеля неестественно узкими губами.

- Ждали?

- Да! Я знал, что вы придете ко мне. И что мы сможем поговорить. Но важно, чтобы нам не помешали, - он быстро закрыл дверь на крючок. И сам встал у двери, прижавшись к ней спиной.

- Но позвольте! – первым порывом было отстранить его и выскочить на солнечный свет.

- Не волнуйтесь! – он обвел рукой свое лицо. – Это результат несчастного случая. Я вынужден бинтоваться...

Но я успел уже заметить, что у него и с руками не всё в порядке. Кожа была местами розовой, как у младенца, а местами смуглой и усеянной подозрительными оспинками. Проказа!

- Вы ведь прораб из Шахамана, так? – продолжал между тем допытываться он. – Вы намерены перебраться в Казахдарью. Но сначала должны выбрать место для лагеря. Верно? Вот видите! Поэтому я и сказал, что ждал вас. Я также знаю, что вы – любитель чтения. Поэтому, оказавшись в Казахдарье, обязательно зайдете в книжный магазин. А поскольку я – единственный его продавец, то мы обязательно встретимся.

Что ж, его логика была безупречной. Но как же мне удрать отсюда?

Я смотрел на него, по-прежнему думая лишь о том, как выйти наружу, не прикасаясь ни к этому человеку, ни к тем предметам, которые он трогал. Мне не хотелось обижать его или причинять ему страдание, он и так был обижен судьбой, но неодолимая мысль о том, что я нахожусь в обществе прокаженного, была сильнее любых доводов морали.

- Послушайте, - сказал он вдруг каким-то иным тоном, – вы даже не представляете, как вам повезло! Я знаю, что вы человек порядочный, и уже решил довериться вам во всем. Но я не хочу, чтобы вы считали меня сумасшедшим, как считают Амангельды и некоторые другие. Поверьте, я не безумец.

По правде говоря, безумец он или нет, мне было безразлично. Для меня он был прокаженным, то есть, типом более опасным, чем безумец.

- Я дам вам одну вещь, - продолжал между тем он. – Когда будете в Ташкенте, покажите ее кому-нибудь, кто разбирается в подобных изделиях. Вот, полюбуитесь...

Он запустил руку в карман своего необъятного плаща, вынул оттуда кулак, протянул тот ко мне и только после этого разжал пальцы.

На ладони у него лежала крупная монета. Несомненно, старинная. Возможно, золотая. Кажется, на ней был изображен царь в головном уборе в виде головы барса. Монета вроде бы была не идеально круглой.

Я говорю об этом в приблизительной форме, потому что никак не мог сосредоточиться и смотрел не столько на монету, сколько на его руку, на которой не хватало двух пальцев. Ладонь тоже была в странных, белесых пятнах. Я где-то читал, что у прокаженных выступают на коже именно такие пятна.

- Возьмите ее! – сказал он. – Это доказательство того, что я нахожусь в здравом уме.

Никакая сила в мире не заставила бы меня потянуться за этой монетой, будь она даже осыпана бриллиантами.

В этот момент раздался сильный стук в дверь. Затем стучавший крикнул по-русски:

- Кенжи! Открой! Я знаю, что ты там!

Это был Амангельды! Но ведь он уже должен был находиться где-то над Шахаманом! История принимала какой-то мистический оборот.

- Это он! Не надо, чтобы он видел нас вместе... - Продавец книг указал тонким, как веточка, пальцем на другую дверь в углу помещения: - Идите туда! Пройдете через двор, тропинка выведет вас к магазину, а там сориентируетесь. Мы еще увидимся... - всё это он говорил шепотом. – Но и вы подготовьтесь к встрече. Если не хотите брать монету, воля ваша! К следующей встрече я приготовлю более впечатляющую вещь. А вы прочитайте историю хорезмшаха Мухаммада. Это поможет нам быстрее понять друг друга. Я очень надеюсь, что вы мне поверите! Буду вас ждать!

Последние его слова я слушал, уже пробираясь по темному проходу, ведущему куда-то вглубь дома. Столбняк, который нашел на меня, когда прокаженный закрыл дверь на крючок, миновал, и теперь мною владело одно желание – быстрее покинуть это нездоровое, опасное место!

Наконец, я оказался на солнечном свету и, повинаясь инстинкту самосохранения, поспешил туда, куда несли меня ноги. Вскоре я выбрался на какую-то улицу и увидел, что навстречу мне едет наша автомашина, в которой находилась вся бригада

По дороге я размышлял о случившемся. Теперь, когда паническое состояние прошло, я сочувствовал человеку, с которым судьба обоилась так жестоко. Очевидно, думал я, он очень одинок. Ему не хватает обычного человеческого общения, и вот, узнав, что в поселок должны приехать монтажники, он задумал навести мосты, прельстив меня старинной золотой монетой. А может, это и не монета вовсе. Так, свинцовая отливка, раскрашенная под золото. Приманка, чтобы заинтриговать случайного гостя. Ведь сюда, в этот поселок, расположенный в самой глухомани, люди со стороны, надо полагать, попадают чрезвычайно редко...

Может, он и не прокаженный вовсе, думал я. Носителю столь страшной болезни вряд ли разрешили бы торговать в магазине.

Я решил, что не буду рассказывать нашим об этой странной встрече, пока не наведу подробных справок о бедняге. А на следующий день меня в срочном порядке отозвали в контору. Предстояла давно уже намеченная командировка на другой, более важный объект.

На казахдарынскую трассу я уже не вернулся. А затем и вовсе надолго уехал из Каракалпакии.

Но история на этом не закончилась.

Года через три пути-дороги снова привели меня на эту древнюю землю. В один из будних дней я отправился к нашему нукусскому заказчику, чтобы согласовать ряд вопросов по новому объекту. Круглощекое и улыбчивое лицо начальника отдела показалось мне знакомым.

- Здравствуйте! А я вас сразу узнал! – приветствовал он меня и напомнил: - Казахдарья, пекарня...

Теперь и я узнал его.

- Амангельды!

Мы обменялись крепким рукопожатием.

Амангельды первым завел разговор о событиях в приморском поселке.

- Полагаю, в тот день вы оказались пленником нашего Кенжи, верно? – поинтересовался он.

- Отчасти. Но каким образом вы появились у книжной лавки? Ведь вы должны были улететь в Нукус?

- Пассажиры уже сели в самолет, когда пилот получил указание от диспетчера задержать рейс на два часа, - объяснил мой визави. – Ждали какую-то важную птицу из Ташкента. Вот я и решил скоротать время у родственников за пивалой чая. Дом моего среднего брата находится как раз за книжной лавкой. Когда проходил мимо, заметил, что дверь лавки закрыта изнутри. Ну, думаю, значит, Кенжи опять затащил к себе гостя. Я расспросил мальчишек, и они описали вас. И тогда я понял, что вас надо выручать.

- Скажите прямо: он ведь не прокаженный?

- Проказу в наших краях ликвидировали еще до войны, - не без гордости возвестил Амангельды. - Правда, гуляют слухи, что на островах есть лепрозорий, но туда свозят больных из других регионов. А в Казахдарье о проказе уже забыли.

- Что же случилось с Кенжи?

- Это долгая история, - вздохнул Амангельды, и его улыбка стала печальной. – Кенжи - образованный человек, историк. Был учителем в школе. Он хороший, добрый человек, но из бедного рода. Мечтал жениться, создать семью, но не было возможности уплатить калым, устроить пышную свадьбу, как принято в наших краях. Вот тогда-то он и уехал в город, окончил курсы сварщиков, а затем работал на строительстве ирригационных сооружений в низовьях Амударьи. Зарабатывал хорошо, часть денег откладывал. Но однажды случилось несчастье. Кто-то, не заметив таблички, включил рубильник, и ему в лицо ударила электрическая дуга. Руки тоже пострадали. Жизнь ему спасли. Спасли и глаза. А вот спасти лицо было невозможно. После нескольких сложных операций и курса реабилитации он вернулся в Казахдарью. Его старые родственники к тому времени умерли, и он остался один в доме. Семья

моего среднего брата по-соседски помогала ему, чем могла. У властей он попросил подобрать ему подходящую работу. Ему предложили место продавца в книжной лавке, которое как раз освободилось.

Мой собеседник выдержал паузу и, собравшись с мыслями, продолжил в своей манере:

- Спустя какое-то время я заметил, что наш Кенжи начал чудить. Он заводил с приезжими людьми странные разговоры. Сначала принялся обхаживать летчиков. Сказал им, что знает, где лежит клад хорезмиша Мухаммада. Обещал дать много золота, если они поедут в Ташкент или даже в Москву и договорятся с хорошими врачами, чтобы ему за любые деньги сделали новое лицо, с которым было бы не стыдно свататься. Летчики, конечно, поняли, что перед ними тихий сумасшедший, и всё рассказали мне, поскольку я часто летаю по этой линии, и уже сдружился с ними. После этого я строго поговорил с Кенжи, предупредив, чтобы он не докучал чужим людям, если не хочет оказаться в психушке.

- И что он вам ответил?

- Сказал, что не сумасшедший. Что действительно нашел сокровище Мухаммада. Нашел, когда работал в управлении ирригации. Эскаватор, мол, копал глубокую траншею и ковшом вскрыл тайник, с самого края. Земля тут же осыпалась, и никто не заметил тайника, кроме него. Вечером он пришел с лопатой, подкопал немного и обнаружил золото. Много золота. Целую неделю перепрятывал его по ночам. Затем подал заявление на увольнение. Хотел начать подготовку к свадьбе. Ведь теперь он был богатым человеком. Он также сказал, что не собирался оставлять себе всё золото. Оставил бы, сколько нужно для жизни ему и его будущей семье, а остальное сдал бы государству с условием, что золото будет потрачено на нужды детских учреждений в автономной республике. Но этим планам не суждено было сбыться, поскольку в последний день работы с ним произошло это несчастье. – Амангельды сощурился: - Скажите, мог ли я поверить в подобные чудеса?

- Почему он не доверился вам сразу? Почему обратился к летчикам?

- Он сказал, что на этом золоте лежит проклятье. Ведь едва он успел перепрятать его, как лишился собственного лица. По его мнению, если бы он доверился мне или кому-либо из добрых знакомых, то всех нас постигла бы страшная участь, ибо за этим сокровищем стоят темные силы. Кенжи уверовал, что золото может дасться в руки лишь человеку пришлому, человеку другой веры. Поэтому, добавил Кенжи далее, мне лично он больше ничего не скажет, ради моего же покоя и покоя моих родственников... Но если ему удастся сделать себе новое лицо и жениться, то он впоследствии облагодетельствует весь поселок, поскольку будет уверен, что чары злых сил развеялись. В Нукусе я поговорил со знакомым врачом-психологом, и тот сказал, что это мания, вызванная сильным стрессом после неизлечимой травмы, усугубленная навязчивым желанием вернуть себе утраченную внешность, - улыбка вовсе исчезла с лица Амангельды. Он вздохнул: - Да, в тот период я искренне верил, что Кенжи – тихий сумасшедший. Теперь вижу, что ошибался, - неожиданно заключил мой собеседник.

- Что заставило вас переменить свое мнение?

- Те события, которые произошли в Казахдарье вскоре после вашего визита.

В этот момент у меня возникло ощущение, что сейчас я услышу нечто необычное.

- В один из дней, вскоре после вашего отъезда, Кенжи отправился куда-то на своем мотоцикле. Вернулся много часов спустя в страшном волнении. На нем не было ни плаща, ни шляпы, без которых он никогда не появлялся перед людьми. Бинты, которыми он маскировал свое лицо, наполовину размотались. Мотоцикл он бросил посреди площади, а сам принялся бегать кругами, комкая какой-то лист бумаги и выкрикивая: "Дейгиш! Дейгиш! Я знаю, его накликал джинн!" Его пытались успокоить, но он продолжал кричать, не узнавая никого из односельчан. И тогда все поняли, что этого человека охватило настоящее безумие, и что надо срочно везти его в больницу, в Чимбай...

- Дейгиш? – переспросил я. – Что означает это слово?

- Нужно родиться в наших местах, чтобы понимать, что такое дейгиш, - ответил мой собеседник. – Дейгиш - это процесс разрушения берегов Амударьи. Вы, наверняка, знаете, что река течет в глинистом русле и сама несет много тяжелой глины. Пласты глины вдоль берегов размягчаются, становятся податливыми и, наконец, сами текут, как вода. Многотонные глыбы земли с грохотом рушатся в воду, среди быстрых волн кружатся и старые коряги, и цветущие фруктовые деревья. В мутный поток сползает целый участок берега вместе с дамбами, садами и постройками, и река, всё еще могучая, уносит его прочь, в открытое море. Это и есть дейгиш.

- Следует понимать, что Кенжи спрятал клад где-то на берегу Амударьи, а река вдруг унесла весь этот берег вместе с кладом? – предположил я.

- Похоже, что так. И это сделало его истинно безумным.

- А что за бумагу он комкал в руках?

- Это была схема, на которой он обозначил место нового тайника. Впрочем, теперь ценность этой бумажки невелика. Если хотя бы часть монет и задержалась у какой-нибудь коряги, то всё равно очень быстро утонет в вязкой глине. Амударья – одна из самых мутных рек на планете, в ней не могут работать ни аквалангисты, ни водолазы. – Он помолчал и добавил: - Тысячелетиями на берегах Аму возникали и гибли великие цивилизации, здесь проходил участок великого шелкового пути. Эта пустынная земля видела груды сокровищ. Быть может, когда-нибудь, когда будет создана техника нового поколения, способная видеть сквозь землю, и удастся исследовать русла реки, как существующее, так и бывшие, и тогда сделанные здесь находки потрясут воображение современников и, кто знает, заставят иначе взглянуть на историю древних веков.

- Но почему он решил, что нашел клад именно Мухаммада? – спросил я.

- Не забывайте, что Кенжи – историк по образованию. Добавлю: весьма знающий историк. Надо полагать, среди его находок содержалось нечто, что конкретно указывало на последнего хорезмшаха...

Вскоре я услышал про дейгиш еще раз – от речника с буксира “Новороссийск”. Этот буксир проводил 500-тонные баржи с материалами для строящейся Тахиаташской плотины. Утром бакеник прошел на катере по реке, выставя свежие вешки из травы и лозы. Менее чем через два часа буксир “Новороссийск” с баржами, шедший по этому же фарватеру, прочно сел на мель. Буквально на глазах речников дейгиш намыл крупный остров посреди реки.

Историческая справка

Однажды стареющий Чингисхан предложил своему могущественному западному соседу, – правителю Хорезмийской державы Мухаммеду разделить сферы влияния.

Прояви хорезмшах чуть больше дипломатической гибкости, то, быть может, вся история монгольских завоеваний пошла бы совершенно другим путем...

Но всего лишь два слова, истолкованные по-разному каждым из государей, привели к войне с неожиданными последствиями.

Впрочем, все началось не вдруг...

По оценке Василия Яна, автора известного романа “Чингисхан”, хорезмшах Мухаммед Ала-ад-Дин II, сын грозного Текеша, был трусоватым и невразумительным правителем.

Так ли это?

Еще в начале 1219 года, то есть, за какой-то год до своей позорной гибели, хорезмшах Мухаммед находился на вершине славы и могущества, наслаждаясь всеми прелестями жизни. Вот уже почти двадцать лет правил он необозримой Хорезмской державой, раскинувшейся от северных берегов Каспия до Персидского залива, от Кавказа до Гиндукуша. Он провел немало удачных походов, мечом раздвинув пределы своих владений, включив в них Афганистан,

почти всю территорию Ирана, а также Хорасан, Азербайджан, другие земли. На юго-востоке граница его государства проходила по реке Инд.

После одной из побед его имя стало упоминаться в официальных документах с титулом “Искандари дуюм” (буквально “второй Александр”, то есть, Македонский – высшая степень признания полководческих успехов на средневековом Востоке).

Все знали, что хорезмшах лично участвовал в сражениях, проявляя доблесть и отвагу, и что он прекрасно владеет всеми видами холодного оружия.

Заботился Мухаммед и о благе своих подданных. При нем Хорезм процветал. Развивались ремесла и орошаемое земледелие, росли многолюдные, шумные города, защищенные прочными крепостными стенами, внутри которых возводились цитадели. Через Хорезм проходили основные маршруты Великого шелкового пути, обеспечивая стабильные поступления налогов в шахскую казну, которая не пустовала даже при огромных расходах, позволявших содержать армию, насчитывавшую до полумиллиона профессиональных воинов. Не было недостатка и в признанных полководцах, среди которых особенно выделялись Джелал ад-Дин – сын властелина и Тимур-Мелик – военный комендант Ходжента.

Хорезмшах отличался крепким здоровьем и бодростью. Он владел гаремом из 270 жен, отобранных среди наиболее красивых девушек державы. Все желания и прихоти повелителя исполнялись незамедлительно.

Что еще нужно для счастья смертного, пусть даже он является “тенью Аллаха” на земле?

Ничто не предвещало неблагоприятного поворота в его судьбе.

Но тучи над головой уже сгущались.

К моменту описываемых событий Чингисхан был уже не молод. Ему перевалило далеко за шестьдесят, а покоя не предвиделось. Вот уже который год на востоке его владений шла война с чжурчжэнями – племенами тунгусского происхождения. Они оказались умелыми воинами и защищались отчаянно и, вместе с тем, грамотно. Нет-нет, да и норовили восстать вроде бы уже покоренные другие территории. Да и на формальных союзников не было особой надежды. Когда он послал тангутам призыв прислать воинов для похода, те ответили в оскорбительной форме: “Если у тебя не хватает войска – не воюй!”

А на западе от монгольских владений простиралось могучее Хорезмийское государство, казавшееся несокрушимой твердыней.

В том, что с Хорезмом лучше не ссориться, Чингисхан смог убедиться ранней весной 1216 года. Тогда он послал в приграничные с Хорезмом “ничи” степи, куда сбегали от его гнева племена меркитов, карательную экспедицию.

И надо же было тому случиться, чтобы как раз накануне хорезмшах Мухаммед пришел к мысли, что неплохо бы поддержать свой авторитет какой-нибудь новой громкой победой над “неверными”.

Весть о том, что у восточных границ его владений появились незваные гости, подоспела как нельзя кстати.

Монголы и хорезмийцы сошлись лицом к лицу на реке Иргиз.

Надо отдать должное, монголы, первыми успевшие захватить добычу и застигнутые сейчас врасплох, готовы были поделиться с Мухаммедом золотом и рабами. Но хорезмшах посчитал ниже своего достоинства договариваться о чем-либо с “презренными язычниками”.

Разгорелось сражение, в котором хорезмийцы рассчитывали на легкую победу.

Но “язычники” оказались умелыми воинами и сами перешли в наступление.

Лишь контратака конницы Джелал ад-Дина предотвратила панику в рядах войска хорезмшаха.

Монголы отошли в свои степи. Вернулись домой и хорезмийцы.

Эта бессмысленная битва в степи не принесла выгоды ни одной из сторон, и была расценена великим каганом, как нелепая случайность.

Он даже наказал командиров корпуса за то, что они не сумели уладить дело миром, хотя такие попытки с их стороны предпринимались.

Чингисхан не был заинтересован в эскалации напряженности на своих западных границах. Именно он стал инициатором поиска компромисса. Вскоре после сражения на Иргизе он, вызвав писцов, принялся диктовать им послание к властелину Хорезма.

Перечислив в уважительной форме все титулы хорезмшаха, и пожелав тому царствовать еще сто двадцать лет, Чингисхан предложил разделить сферы влияния. Пусть хорезмшах владеет всем Западом (в представлении Чингисхана Хорезм, естественно, был западной державой), а он, великий каган, будет править Востоком. Поделив вселенную пополам и не вмешиваясь в государственные дела друг друга, они и их потомки будут властвовать долго и счастливо.

Это было не рядовое послание. Такие письма, если и составляются, то, быть может, раз в жизни.

Великий каган понимал, что и слова тут требуются незатертые, искренние, проистекающие из глубины сердца и при этом достойные высоких царственных особ.

Чингисхан был неграмотен, но умел подбирать образные, точные сравнения.

В их поисках он обратился к самым дорогим для сердца любого монгола понятиям.

Он написал хорезмшаху, что дорожит отношениями с ним так же, как если бы тот был его любимым старшим сыном. Такой оборот в устах Чингисхана, исходившего из монгольских традиций, был не только высшей степенью доверительности, но содержал еще глубокий личный оттенок.

Ибо не было в этот период для великого кагана более важной цели, чем та, чтобы его любовь к старшему сыну стала примером для всех подданных.

Вообще-то общее число мужских потомков Чингисхана достигало примерно ста человек – это пятеро сыновей, порядка сорока взрослых внуков, а еще много дюжин подрастающих правнуков.

Но только первые четыре сына Чингисхана от его старшей жены Борте из племени кунграт стали родоначальниками “золотого рода”, оставив заметный след в истории.

Все эти четыре сына – Джучи, Чагатай, Угедей и Тулуй – были умны, отважны, находчивы, решительны и талантливы. Каждый из них пользовался авторитетом и в армии, и среди простых монголов.

Но беда в том, что не было между старшими сыновьями великого кагана ощущения единой Семьи.

В дни молодости Темучина - Чингисхана воины враждебного племени меркитов совершили внезапный налет на его стойбище и увели в плен его молодую жену Борте, которая в ту пору будто бы была беременной. Позднее, когда ее отбили, Борте родила мальчика, которого Темучин признал перед всеми своим сыном и назвал Джучи.

Время шло, однако нездоровые слухи среди монголов о происхождении Джучи не только не прекращались, но даже усиливались.

Досаднее всего, что в нагнетании этих порочащих пересудов участвовали его родные братья, особенно Чагатай.

Это приводило к частым ссорам и размолвкам, принимавшим порой весьма острую форму.

Безобразные сценки разыгрывались даже в присутствии самого Чингисхана.

Как-то раз, на важном совете, когда каган предоставил первое слово, как положено, старшему сыну Джучи, Чагатай, не удержавшись, вскочил с места и закричал: “Почему

мы должны повиноваться этому наследнику меркитского плена!” (Другие источники утверждают, что он выразился гораздо резче, назвав старшего брата “меркитским вырожденком”.)

Можно только догадываться, какие выражения употреблял Чагатай, славившийся своей грубостью, в кругу своих приближенных. Он словно не понимал, что этими подозрениями оскорбляет еще и собственную мать.

Джучи в ответ схватил Чагатая за воротник и, в свою очередь, принялся осыпать его оскорблениями, предлагая немедленно устроить борцовский поединок, если только будет на то воля их родителя и государя.

Слово за слово, разгорячившиеся братья едва не вцепились друг в друга в присутствии всех военачальников.

Чингисхан строго отчитал обоих и запретил им ссориться впредь.

Да только суровый выговор не принес ощутимой пользы.

Вражда, пустившая глубокие корни, по-прежнему раздирала кровные семейные узы, которые для самого великого кагана были священны.

Позднее Чингисхан примет тяжелое, но политически необходимое решение.

На рубеже 1227 года его старший сын Джучи погибнет якобы во время охоты.

Позднее историки сочинят, будто Джучи замыслил отложиться от отца, за что, мол, и поплатился.

Но мало кто в монгольских степях будет сомневаться, что эта смерть не была случайной, и что убийца подослал сам великий каган.

Отец принес сына в жертву ради грядущего единства Семьи!

Вот только ничего хорошего из этого не получилось, ибо семена раздора уже дали ядовитые всходы в Доме великого кагана...

Но в тот момент, когда Чингисхан диктовал свое письмо хорезмшаху, до смерти Джучи оставалось еще почти десять лет, и государь был еще полон надежды изменить ситуацию, доказать всему миру, что его сердце переполнено любовью к старшему сыну, которого он всегда считал своей кровью и плотью...

Неустанно демонстрируя на людях свою любовь к старшему сыну, выделяя его доблесть при каждом удобном случае, поручая ему наиболее почетные миссии, Чингисхан рассчитывал, что темные слухи постепенно улягутся, и он сможет безо всякой опасности завещать империю Джучи, как самому талантливому из своих наследников.

И сейчас, когда слова великого кагана ложились под пером писца на бумагу непонятными закорючками, ему казалось, что послание наполняется тем сокровенным смыслом, который он пытался донести до своего западного соседа, смыслом, не подлежащим разночтению.

Запечатав письмо личной печатью, и отправив его с самыми доверенными гонцами, великий каган рассчитывал получить в скором времени такой же честный, искренний ответ.

Неужели два всемогущих государя не смогут разделить вселенную на двоих?

Но события приняли непредсказуемый оборот.

Получив послание от Чингисхана, Мухаммед пришел в неописуемую ярость.

Какой-то дикарь, табуник и язычник, вообразивший себя ханом, имеет наглость говорить с ним на равных!

Мухаммеда особенно взбесило то обстоятельство, что “этот дикарь” посмел сравнить его, великого шаха, со своим сыном! Ведь согласно среднеазиатскому дипломатическому этикету, какой-либо правитель мог назвать своим сыном только такого другого правителя, который находился по отношению к нему в вассальной зависимости. Никто еще во всей вселенной, исключая, разумеется, родителей, не осмеливался называть его, могущественного владетеля, своим сыном!

Уподобление старшему сыну покорило могущественного государя еще и потому, что у него были нелады с собственным старшим сыном – Джелал ад-Дином, и все приближенные отлично знали об этом.

Нет, в этом обращении степняка-табуника, несомненно, скрывался тонкий, издевательский намек!

Этого наглеца следует примерно проучить!

Однако Мухаммед ничем не выдал послам обуревавших его чувств. Напротив, выразил готовность открыть границы для купцов и караванов и подписать договор о свободной торговле.

Но план ответного удара у него уже сложился.

Вскоре в Отрар – крупный пограничный город на восточных рубежах Хорезмийского государства, прибыл из Китая через Монголию большой караван из пятисот верблюдов. Купцы (а во главе каравана стояли монголы) привезли невиданный товар – изделия из золота, яшмы и нефрита, посуду из тончайшего китайского фарфора, наряды из переливчатого шелка...

По одной из версий, купцы отдавали эти дорогие вещи за бесценок, между тем, как погонщики вели с местными жителями беседы, не имевшие никакого отношения к торговле – об устройстве крепостных стен, о численности гарнизона...

Впрочем, нельзя исключить, что слухи о купцах-шпионах были пущены властями умышленно.

Скорее, это был повод разграбить под благовидным предлогом богатый караван, заранее имея на это санкцию хорезмшаха.

Так или иначе, комендант города Инальчик Каир-хан велел конфисковать товар, а караваников бросить в темницу, где все они были подвергнуты жесточайшим пыткам, а затем казнены.

Лишь один монгол-погонщик сумел избежать облавы и добраться до своих.

Тем временем весь конфискованный товар был отправлен в Бухару и продан там с аукциона. Львиную долю выручки поднесли хорезмшаху. Приняв ее, Мухаммед расписался тем самым в своей ответственности за инцидент.

Это и был его ответ “табунику” Чингисхану, возмнившему себя хозяином вселенной, точнее, ее половины!

И все же Чингисхан по-прежнему готов был уладить дело миром, но при условии, что ему выдадут Инальчика Каир-хана – формального виновника расправы с караваниками.

Великий каган всё еще надеялся разделить с хорезмшахом вселенную на двоих.

Во дворец Мухаммеда прибыло представительное монгольское посольство во главе с мусульманином, находившимся на службе у Чингисхана.

По ходу дипломатического приема возникла ссора, и Мухаммед позволил своим приближенным убить прямо перед его троном старшего посла монголов, обвиненного в измене своей вере.

Тут же были зверски избиты спутники посла, которых затем доставили до границы и там отпустили, раздев их догола и подпалив им бороды, что по канонам Великой Ясы, введенной самим же Чингисханом, считалось знаком смертельного оскорбления.

Теперь уже сам Чингисхан стал заложником сложившейся ситуации. Убийство посланника, вообще, гостя, доверившегося хозяину, – одно из самых тяжких преступлений, с точки зрения монголов. Не ответить на этот вызов великий каган не мог, если не хотел лишиться авторитета среди своих подданных. Поэтому, невзирая на продолжавшуюся войну с чжурчжэнями, несмотря на множество проблем, требовавших его присутствия на Востоке, он приказал готовиться в поход на Запад и достал свои военные доспехи.

Штурм Отрара был неудержимым. Взяв город с ходу, монголы сровняли его с землей, не щадя пленных (более этот цветущий некогда город так уже и не возродился в полной мере).

Цитадель в центре города держалась дольше, но и она пала. Несчастливого Инальчика Каир-хана предали изощренной казни, залив его горло расплавленным серебром.

Отпраздновав первую победу, монголы двинулись дальше.

Почему же хорезмшах так и не направил им навстречу свою полумиллионную армию, да еще зная наверняка, что врагов не более двухсот тысяч?

Дело в том, что Мухаммед опасался не столько монгольского “табунищика” с его “дикой ордой”, как заговора среди собственных родственников и полководцев, оттого и не хотел собирать их вместе.

Мнительный до крайности, он относил к числу заговорищников, впрочем, не без оснований, даже свою мать - царицу Туркан-хатун, за которой стояла кипчакская (половецкая) знать, и своего сына Джелал ад-Дина, чья воинская доблесть вызывала у него лишь раздражение.

Именно по этой причине Мухаммед так и не решился дать генерального сражения, хотя его армия имела подавляющее численное превосходство. Вместо этого он рассредоточил свои войска (а главное – своенравных военачальников!) по разным городам и цитаделям, рассчитывая, что монголы-степняки, “эти варвары”, якобы непривычные к осаде крепостей, потолкнутся немного под неприступными стенами и по доброй воле уйдут в родные степи.

Но монголы не ушли.

К изумлению хорезмшаха, у “этих дикарей” оказались отличные осадные машины, сооруженные китайскими инженерами.

Но что еще более важно, Чингисхан успел в предвоенный период детально изучить обстановку в Хорезме.

Вообще, великий каган уделял особое внимание внешней разведке. Ясно осознавая, что его соотечественники с их характерной внешностью не годятся на роль агентов-нелегалов в сопредельных странах, Чингисхан сделал ставку на вербовку надежных, преданных ему лично разведчиков из числа чужеземцев. Речь шла прежде всего о купцах, которые водили караваны по маршрутам Великого шелкового пути. Путешествуя из Китая в Переднюю Азию и Европу, а затем возвращаясь обратно, купцы привозили Чингисхану ценные сведения о характере местности и дорогах, о реках и мостах, о крепостях, о размещенных в них гарнизонах и т.д. Наиболее доверенные агенты получали особый знак – пайцзу, тонкую золотую пластинку с гравировкой, служившую своеобразной охранной грамотой. Предъявителю пайцзы власти на местах должны были оказывать всяческое содействие, давать лошадей, проводников и продовольствие.

Именно внешняя разведка, выпестованная лично Чингисханом, внесла существенный вклад в военные победы великого кагана.

Одним из лучших его агентов был богатый хорезмийский купец Махмуд Ялавач, с помощью которого удалось подкупить немало влиятельных вельмож и чиновников.

На их подкуп великий каган не пожалел золота из тех сокровищ, что были захвачены в Китае.

Зато сейчас от “пятой колонны” широким потоком стекалась оперативная информация о состоянии дел в обороняющемся Хорезме.

Это позволяло монголам не распылять силы, но широко маневрировать, направляя к городам, готовым открыть ворота, небольшие отряды, и напротив, туда, где готовились защищаться, подвозить метательные и стенобитные орудия, заранее зная о слабых местах в обороне.

Сам Чингисхан находился среди войск, отказавшись от удобной юрты и ночуя на сложенном войлоке. В этой войне его вело вперед стремление отомстить за нанесенное оскорбление.

Хорезмшах оскорбил его не только тем, что расправился с послами и караванщиками, нет, он нанес великому кагану личную обиду, презрев его доверительную, душевную исповедь о любви к старшему сыну.

И за это он заслуживал смерти!

Чингисхан готовился к трудной, затяжной войне, еще более кровавой, чем с чжурчжэнями. Но, к его удивлению, огромная хорезмийская империя, казавшаяся несокрушимой, пала уже через год после нашествия.

Мухаммед так и не отважился встать во главе сопротивления. Он вообще не располагал никакими сведениями о монголах, долгое время довольствуясь слухами, утверждавшими, что кочевники мало сведущи в военном искусстве.

Назначив начальников гарнизонов, сам он всё дальше уходил на запад своей империи, которая сжималась ему вослед как шагреновая кожа. Какое-то время его сопровождал караван в двадцать верблюдов и сорок лошадей, навьюченных кожаными мешками с золотом, десятилетиями копившимся его династией.

По слухам, это золото он зарыл на севере Ирана, вблизи крепостей Бистам и Адрахан. Но, возможно, это всего лишь ложный след, а в действительности золото спрятано в нескольких тайниках и совсем в другой местности, например, на побережье Аральского моря, которое в ту далекую эпоху имело совершенно иные очертания.

До сих пор судьба сокровищ хорезмшаха остается неизвестной.

А сам “Искандари дуюм”, еще недавно всемогущий повелитель миллионов подданных, закончил свою жизнь на одиноком острове в Абескунском (Каспийском) море среди оказавшихся там прокаженных.

Надежного убежища в подлунном мире для него так и не нашлось.

Что ж, Чингисхан в полной мере отомстил за нанесенное оскорбление...

Правда, напоследок Мухаммеду хватило ума и мужества назначить своим преемником самого достойного из наследников – Джелал ад-Дина, так и оставшегося нелюбимым сыном.

Неукротимый Джелал ад-Дин, вошедший в историю как “последний хорезмшах”, сражался с монголами еще более десяти лет методами, скорее, партизанской войны и погиб в 1231 году в одной из стычек, пережив старшего сына великого кагана, да и его самого, на четыре года.

Итак, поход на Запад, обещавший множество суровых испытаний, оказался для Чингисхана неожиданно удачным и стремительным.

Отсюда, из Средней Азии, открывались два пути. Один – в сказочно богатую Индию, о сокровищах которой давно уже мечтал великий каган, второй – всё дальше на малоизведанный запад, через Персию и Закавказье. Прежде чем отбыть в орду, Чингисхан направил отряды по обоим этим направлениям, дав их командирам точные указания.

Индийский поход так и не задался. Одетых в овчины моголов отпугнули не столько неприступные стены города Мульта, обороняемые многочисленными защитниками, как невыносимая жара и непривычно влажный климат, отчего тело покрывалось зудящими красными пятнами.

Зато западный путь оказался куда более триумфальным, чем предполагалось вначале. Да и добыча здесь была захвачена богатая.

Еще до конца 1221 года покорители Хорезма завоевали весь северный Иран и Закавказье, а еще через два года разбили русских князей на Калке, после чего дошли до Волжского Булгара, откуда им, правда, пришлось вернуться в родные степи. Но только на время...

Именно после захвата Хорезма великий каган скорректировал свои прежние планы и определил новое направление главного удара.

А всё началось с обиды хорезмшаха на тон письма, полученного от Чингисхана, и на неверно истолкованный смысл слов “старший сын”, которые великий каган употребил по

отношению к “второму Александру”. В результате два всемогущих властелина так и не смогли заключить мирный договор, суливший им взаимную выгоду.

А ведь если бы хорезмшах дал восточному соседу какой-нибудь туманный, обтекаемый ответ, тот прислал бы очередное послание, и эта переписка могла растянуться на те семь лет, что были еще отмерены великому кагану. Наверняка, за это время Чингисхан окончательно увяз бы в своих разборках в Маньчжурии.

Если бы не чрезмерное высокомерие правителя Хорезма, то, кто знает, река мировой истории могла бы круто поменять в этой узловой точке свое русло, подобно тому, как не раз меняла свое русло великая река Амударья, впадая то в Аральское, то в Каспийское море.

Тем более что чжурчжэней Чингисхан так и не смог покорить при своей жизни. Это сделали лишь его сыновья уже после смерти “сотрясателя вселенной”.

Успешно закончить войну на Востоке им помогли богатства, захваченные на землях, которые монголы считали Западом...

Глава 2 Записки Ч

В суете, в постоянных войнах, в борьбе за власть, за упрочение ее прошла жизнь Кагана. И нет возврата тому, что прошло, подобно течению водам горной реки.

Не думал о смерти «Потрясатель Вселенной», пока не привиделся ему однажды сон. Подошел к нему некто лучезарный, величественный, и сказал голосом, который проникает сквозь любые щели и который нельзя не слушать:

- Собирайся, Темучин, теперь ты отправишься в повиновение Духам Вечного Неба.

И понял Великий Каган, что пришло время покинуть землю. Давно забыли люди его имя, данное при рождении, и вот оно вернулось к нему снова.

И еще подумал с грустью Великий Каган о безвременной кончине своего старшего сына Джучи. Из многочисленных потомков он единственный был достоин трона, только ему было под силу держать в повиновение огромную империю, которую создал Каган, объединил под божественным Девятиножным знаменем.

Нет Джучи – славного багатура и опытного полководца.

Не только любимого старшего сына потерял он за эти годы. В холодных струях реки времени утонули многие, с кем когда-то начинал свое восхождение к вершине власти.

Нет рядом благородного и дальновидного политика Джамухи – сэчэна, который многие годы обеспечивал ему надежный тыл, хотя никто о том не догадывался – ни друзья, ни враги. Железной волей своей удерживал он особо ретивых возле себя и своевременно давать знать Кагану об осложнениях в сердце Великой Степи.

Нет и верной терпеливой жены его – мудрой Бортэ- учжин. Она ждет его у лучезарных ворот того мира, из которого явился к Кагану державный гонец. Она встретит его, и вновь они будут рядом, вновь он услышит ее сдержанный голос, какой голос должен быть у жены Владыки мира. Голова его будет покоиться на мягких ее коленях, а теплые руки, как и в те, далекие и тревожные годы, едва ощутимые поглаживанием снимут тяжесть с его головы. Усталость покинет тело. И вновь Каган обретет в себе юношескую легкость и силу!

И великодушный Джамуха придет к нему, и, как в юности, они сядут рядом и потом в оживленной беседе не заметят, как снимет с них время покрывало тайны, которая многие годы связывало побратимов.

Трагедия Джамухи было не в том, что Вечное Небо не его, Джамуху, а сына рядового нойона Есугея- багатура сделало избранником, и ему, Темучину, подчинило земли, даже обехать которые на коне не было дано простому смертному.

Так считали поданные Великого Кагана. Так считал и он сам. И такого же мнения был Джамуха- сэчэн, который с братской покорностью принял известие об избрании Темучина Каганом.

Но воспротивилась этому решению чванливая аристократия Великой Степи племенная знать и старейшины.

Давно они мыслили создать конфедерацию племен с выборным ханом, который был бы послушным орудием в руках степных князей.

Из всех претендентов выбор пал на Джамуху, вождя воинственного и многочисленного племени джаджиратов, опытного воина и изворотливого политика.

При победе племенной знати простые нойоны теряли всякие права, им отводилась последняя роль при разделе добычи, распределения обязанностей. Тогда они отделялись от родовых общин и становились «людьми длинной воли», воинами «свободного состояния».

Судьба этих людей зачастую оборачивалась трагедией. Лишенные поддержки своего племени, они вынуждены были добывать пропитание разбоем, и тогда гибель была неизбежна, потому что трудно скрыться от погони в степи.

И чтобы спасти свое будущее, они вынуждены были искать в своей среде вожака.

Вожда нашли они в лице Темучина, правнука первого хана всех монголов Хабула, потерявшего состояние и общественное положение и в конечном счете пополнившего ряды нойонов «свободного состояния».

В год Барса они сделали его ханом и принесли присягу. Текст читали на своем курултае:

«Когда Темучин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему прекрасных дев и жен, юрты, рабов и лучших лошадей. При облаве выделять половину добычи. Если мы нарушим в дни войны твой устав, разбросай наши черные головы по земле: если в мирное время мы нарушим твой покой – отлучи нас от жен, детей и рабов, бросай в бесхозяйственной земле».

Обмарались вожди племен, торопливо собрались на общеплеменной курултай, чтобы избрать гурхана Великой Степи из своей среды.

Вождь джанджиритов Джамуха-сэчэн более прочих был достоин возглавить объединение племен: знатный, дальновидный, молодой.

Но...

Не он нужен был сейчас монголам!

Такой гурхан мог стать во главе вождей родов и племен в другое, более, устойчивое, более спокойное, более травоядное время, когда в степи воцарился бы порядок. Когда племена перестали бы уничтожать друг друга. Перестали бы грабить соплеменников, угонять скот, разорять юрты соседей. Когда простой монгол мог спокойно засыпать под открытым небом, не боясь проснуться утром рабом своего сородича. Когда не нужно было хвататься за оружие при любом подозрительном шорохе. Когда Великую Степь объединили бы мир и согласие. И не страшны были бы многочисленные соседи, чьи земли окружали степь и которые привыкли к безнаказанному грабежу разрозненных монгольских племен.

Иной ныне нужен был правитель.

Безжалостный. Решительный. Уверенный в своих силах.

Нужен был воин, который своей железной волей навел бы порядок в степи, переломил бы сознание людей, привыкших жить одним днем, только для себя, привыкших к воровству, к анархии, беспорядку.

Нужен был правитель, который бы спаял и саму Степь, и людей – которые ею кормились и которые ее же топтали, ненавидели – в единый живой организм: отлаженный, послушный, дисциплинированный.

Иначе Великую Степь ожидал печальный конец. Смерть!

И Вечное Небо дало такого правителя...

Но разве легко было ему? Разве сразу признала его Степь? И не испытал разве он горькой участи простых соплеменников, насильственно обращенных в рабство богатыми вождями?

И вновь мираж далеких лет быстротечного детства взял в плен Великого старца.

И вновь тонул он в бесконечных сомнениях, которые все чаще одолевали слабеющий дух.

И спрашивал себя умирающий Каган:

«Был ли когда-нибудь у него отец?»

«Купался ли он в мудрых глазах своей Бортэ?»

«Прятался ли в бескрайних тугаях от жестоких палачей своих, жаждущих получить награду за голову мятежного нойона?»

И как доказательство возникали перед Каганом картины его далекого прошлого: черное небо, зловещее, враждебное, без единой звездочки; изможденный мальчик с неукротимым огнем ненависти в глазах и деревянной тяжелой колодкой на худенькой шее; запах горелого мяса, который шел от костра из юрты старого тайжигута.

Коробкин лежал на спине, с открытыми глазами, закинув за голову руку. Тихо посапывал во сне Бабаев, что-то бормотал неразборчиво Ложкин. Может, и во сне не дает ему покоя дельтоплан, который оставил друзьям и теперь постоянно переживал, как бы она его не разбила.

Днем к Коробкину приходил следователь, ведущий расследование происшествия и причину аварии.

Вопросы, которые следователь задавал, и ответы, на которые он наводил своими вопросами, внушал Коробкину смутное беспокойство. Вначале он не понимал, чего от него добивается этот юный лейтенант. Спрашивал, выпивал ли погибший Баларгимов и много ли он выпил в тот день, когда случилась авария?

- Лейтенант, не играйте со мной в жмурки.

- Почему вы решили, что я с вами играю? – покраснел юноша бледный, со взором горящим.

- Вы еще не научились врать, доказательство тому ваше смущение, - сказал Коробкин. – Вам обязательно нужно доказать, что авария просто несчастный случай?

- А вы так не считаете?

- Я так не считаю.

- Тогда помогите мне, расскажите, как все произошло. Я уже две недели бьюсь с этим делом, а в папке, - он показал тоненькое «Дело», - ничего путного. Начальник каждый день на доклад вызывает, почему тянешь с таким простым делом? Заканчивай побыстрее, это тебе не прогулка...

- Человек погиб, лейтенант...

- Вот вы писатель, а не понимаете или не хотите понять, что эмоции к делу не пришьешь. Кого винить, кого искать?

- Тех, кто ослепил нас встречным светом, кто потом подходил к нам узнать, мертвы мы или еще нет.

- Это только слова.

- Вот вы и должны доказать, делать все, чтобы это перестало быть только словами. Кому-то нужно было убрать нас.

- Кому?

- Не знаю... может Нуриеву.

- Да вы что, Вячеслав Николаевич! Вы серьезно думаете, что на вас покушался Карим Нуриевич? – лейтенант от души рассмеялся, покачал головой.

- Я не утверждаю, - нахмурился Коробкин. – Это действительно выглядит очень смешно, глупо, но умер мой друг... А я слышал голоса, когда лежал на дороге в беспамятстве.

- Вы говорите, что лежали в беспамятстве, и тут же утверждаете, что слышали голоса. Может быть, это вам показалось?

- Товарищ лейтенант!

- Мы осмотрели место происшествия, очень внимательно осмотрели, можете взглянуть протокол...

Лейтенант протянул Коробкину папку, открытую на нужной странице.

- Ничего, чтобы помогло следствию. На место аварии никаких следов встречной машины нет, понимаете нет. И следов торможения тоже.

Посапывал Бабаев. Бормотал во сне Ложкин.

Смутное беспокойство овладело Коробкиным.

Из глубин памяти выплыл образ Любки Матросовой, по прозвищу – Морячок. Любка Морячок. Она была первой любовью журналиста. Десятый класс. Танцевальный зал в Доме Культуры. Там он и столкнулся с коротко остриженной, большими широко открытыми глазами, красными тонким губами, длинноногая, быстрая – она и характером соответствовала внешнему

виду. Настоящая Любка Морячок. После танцев он узнал, что она учится и живет в Детском доме. И не заметил враждебные взгляды детдомовским пацанов. Славе было легко с Любкой, точно они уже знали друг друга. Но за все хорошее, как известно, нужно платить. Тогда он с этим столкнулся впервые.

Он пошел ее провожать. От Дома Культуры до Комсомольского озера, где находился Детской дом имени Крупской.

Стоило Любке войти в железные ворота, как Славу окружили местные с Дылдой во главе. Дылда слыл королем детдомовских пацанов и навязывался в кавалеры к Любке. Побаивались его и городские. «Проводил? Сейчас мы тебе разобьем шнифт!».

Силы были неравны и неизвестно чем б это закончилось, если бы не пришедшая на помощь Славе боевая Любка Морячок. Гоп-компания на время отступили и матерясь ушла.

Слава и Любка стали встречаться. Они виделись всю зиму и весну, почти каждый день.

Им было хорошо. Через месяц они получают аттестаты и становятся самостоятельными. Он думал о военно-морском училище, она стать врачом и служить на том корабле, на котором он будет капитаном.

Они мечтали, не подозревая, что несчастье уже ходит рядом и выжидает своего час.

Однажды она не пришла. Не пришла на следующий день. И через день.

Слава сам пошел в Детдом. И там чуть ..не поседел от ужаса.

Дылда отомстил. Он и его гоп-компания. Всех арестовали, кроме Дылды, который смог скрыться.

- Они издевались над ней после всего, что с ней сделали, - рассказывала сквозь слезы близкая подруга Любы.- Утром прибежал дядя Яша, наш сапожник, он нашел ее на хоздворе.

Дылда словно сквозь землю провалился. Шли года, но желания поймать и наказать Дылду не проходило. Наоборот это желания как бы окаменело, и эту окаменелость нельзя было вытравить ничем.

Лицо человека из свиты Нуриева всплыло в память Коробкина. Что его насторожило его при встрече Нуриева, как ему стало неприятно сидеть в огромном кабинете...Его поразил откровенно колющий взгляд незнакомого человека.

Незнакомого?

Раньше он не видел ни Нуриева, ни его сотрудников. Но вот взгляд...

Дылда... Дылда!

Неужели человек, которого он видел в окружении Нуриева и Дылда из его юности – одно и тоже лицо?

Коробкин клял себя, что не поинтересовался, кто этот человек с таким знакомым взглядом. А ведь какое-то время они даже сидели бок о бок за столом...

За окном полная луна. При желании можно было читать газету.

Такая ночь всегда будила фантазию. В такие ночи ему легко писалось. Да и не только ему. На протяжении веков призрачный лунный свет вдохновлял не одно поколение поэтов, рисовал в воображении дивные ландшафты, прозрачные волшебные облака, переносящие мечтателей в пространстве и времени. Как утверждала одна надпись в храме Луны в Древнем Египте : « Ее застывший взгляд делает женщин беременными»,- только скептически улыбнется.

Первый раз Коробкин увидел ее в декабре. После басни Сергея Михалкова «Крот-бюрократ» конференсье, он же замдиректора клуба, объявил, подглядывая в бумажку: – А сейчас сотрудник планового отдела завода Ильича Мария Боголюбова споет песню «Голубка». Слова Болотина и Сикорской, музыка Ирадьё. На сцену, краснея от смущения, вышла девушка в вязаном свитере и с красными бусами на шее. Аккордеонист сел на табуретку, вопросительно посмотрел на певицу. Та кивнула. Пальцы застучали по пожелтевшим костяным клавишам тро-

фейного аккордеона вступление. Женщина немного замешкалась в начале, но тут же догнала аккомпанемент.

– Когда из твоей Гаваны уплыл я вдаль, Лишь ты угадать сумела мою печаль. Заря золотила ясных небес края, И ты мне в слезах шепнула, любовь моя...

Голос у нее был не очень сильный, но красивый, чуть с хрипотцой. Она так старательно пропевала текст, что зал притих. До этого, узнав, что вместо кино будет концерт, они хотели уйти. Но после первого куплета Коробкину захотелось остаться в этом зальчике.

– Где б ты ни плавал, всюду к тебе, мой милый, Я прилечу голубкой сизокрылой, Парус я твой найду над волной морскою, Ты мои перья нежно погладь рукою... –

пела она, и Коробкин явственно представлял голубое море, парусник, солнце, себя на палубе, чаек и, конечно, голубку, которая садилась на мою ладонь. От мелодии, которую я уже слышал по радио, хотелось плакать. Аккорды песни и мелодия «...любовь моя-а-а-а...» проникали до глубины души. Коробкин быстро вытер слезы и оглянулся – не видел ли кто-нибудь из друзей моей слабости. Будущий писатель с пацанами и девчонками со двора в тот декабрь почти каждый день бегали в старинное здание САНИИРИ, что расшифровывалось как Среднеазиатский научно-исследовательский институт ирригации. В этом здании, похожем на замок, до революции располагался «Охотничий домик» для офицеров. А в советские времена в институте обычно организовывали избирательные участки. Крыльцо украшалось кумачовыми лозунгами, плакатами, портретами кандидатов в депутаты Верховного Совета с подробными биографиями. Обычно в начале вечера сухонький старичок из общества «Знание» читал лекцию о международном положении, в которой он разоблачал американских империалистов, германских реваншистов в лице Конрада Аденауэра и ревизионистов типа предателя югославского народа Иосифа Броз Тито. Потом крутили кино. Киномеханик передвигая заправлял переносной проектор, выключал верхний свет, и волшебный луч вырывался на экран-простыню. И, затаив дыхание, компания Коробкина самозабвенно смотрели фильмы преимущественно о гражданской войне или о героях-разведчиках. Некоторые фильмы смотрели по несколько раз, и в том месте, где фашистский генерал поднимал бокал со словами: «За победу!» – пацаны хором отвечали из темного зала: «За нашу победу!». Но сегодня вместо кино был концерт художественной самодеятельности. На улице было холодно и неудобно, а здесь топились огромная изразцовая печь, и было приятно чувствовать под собой мягкость старинных потертых кресел и разглядывать лепнину на охотничью тему под сводами небольшого зала. Меньше месяца оставалось до денежной реформы, четыре месяца до ликования по поводу полета Юрия Гагарина в космос и три месяца до Славкиного четырнадцатилетия. Уже кое-где висели транспаранты «С Новым, 1961 годом!», и я с волнением открывал для себя, что если перевернуть эту магическую цифру, она снова станет – 1961! Мария продолжала петь:

– О, голубка моя, будь со мною, молю, В этом синем и пенном просторе, В дальнем родном краю. О, голубка моя, как тебя я люблю, Как ловлю я за рокотом моря Дальнюю песнь твою.

Она закончила петь и как-то неловко поклонилась. Зал зааплодировал. Раскрасневшаяся, взволнованная, она спустилась со сцены и прошла мимо меня. Смешанный запах духов и жаркого тела на мгновение обдал меня необыкновенной волной. Прошла зима, весна, и уже кончалось лето. А ночами мы вглядывались в темное небо и среди звезд искали проплывающие огоньки спутников. Почти каждый августовский вечер мы ходили в парк Тельмана. Иногда с родителями, но чаще с друзьями. Маршрут наш не имел никакой логики и смысла. Мы бродили по парку, оказываясь то в одном месте, то в другом. Если не было денег, перелезали через забор летнего кинотеатра и смотрели фильмы или стояли у решетки платной танцплощадки, с интересом разглядывая в толпе кучку «стиляг». У них были узкие брюки, «коки» на головах и яркие рубашки. Пока среди танцующих мрачно ходили дружинники с красными повязками на рукавах, они, как и все, танцевали вальсы или в крайнем случае танго. Обычно трубач громко кричал, в который раз повторяя свою заезженную шутку: «А теперь танго-оран-

гутанго!» И все каждый раз смеялись. И начиналась «Кумпарсита». Но когда дружинники уходили, один из «стиляг» давал знак музыкантам, звонко щелкнув пальцами: «Давай, Гарик!» «От Москвы и до Калуги мы танцуем буги-вуги!» Задавала ритм ударная установка, ухал контрабас, звонко выводила труба. И толстые подошвы ребят, и каблучки девушек словно вырвались на свободу. Танцевали и буги-вуги и рок-н-ролл. «Ван, ту, фри, фо, фэйф о клок! Рок! Рок!» Крики, залихватистый свист, пыль столбом! Но прибегали грозные дружинники – теперь уже с милиционером в белой форме и сдвинутой на затылок фуражке. Он свистел в латунный свисток. «Прекратить!». И снова на танцплощадке звучали размеренные вальсы, допустимые фокстроты Цфасмана и «Ландыши»... Белого мая привет... Нам становилось неинтересно, и мы уходили. В раковине эстрады играл марши военный духовой оркестр. А на освещенном пятачке площадки в центре главной аллеи парка, покрытом утоптанном красным песком, под баян танцевали пенсионеры и уже немолодые женщины. Кавалеров не хватало и женщины «за тридцать» танцевали друг с другом, «шерочка с машерочкой». Та, что была крупнее и выше, изображала мужчину. Отставив мизинчик правой руки на спине партнерши, она вела подругу и, далеко отведя левую руку, задавала ритм танца. «Женщина» обычно склоняла голову на грудь, доверчиво и покорно. Слепой баянист выводил мелодии прошлых лет: «Сердце, тебе не хочется покоя...», «Брызги шампанского», и мы обычно с равнодушным хихикианьем пробегали мимо этой толпы, пахнущей дешевым одеколоном и нафталином. Эта имитация жизни, эта «ненастоящность» происходящего раздражали нашу юношескую самоуверенность. Эти убогие, как нам тогда казалось, танцы под хриплые звуки прохудившихся мехов баяна вызывали если не презрение, то уж точно ощущение «полной лажи и туфты»... Пройдет время, прежде чем это высокомерие юности растворится, и ты вдруг отчетливо вспомнишь этих странно танцующих друг с другом женщин и поймешь, что это живые жертвы той недавней войны. Несчастное поколение девчонок, не успевших познать чувства любви, не разделивших со своими парнями любовного ложа. С теми, кто остался где-то далеко растерзанным в воронках из-под многотонных бомб, расстрелянным в бессмысленной атаке, истекшим кровью в полевых госпиталях, кончившим жизнь в плену... Просто исчезнувшим. Не вернувшимся. Оставшимся только на фотокарточках. ...Баянист играл «Землянку»: «Бьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза...» На лацкане кургузого пиджачка тускло поблескивала медаль «За взятие Будапешта». Мы уже почти пробежали мимо, когда Коробкин вдруг услышал: «Хасанчик, хватит тоску нагонять!» Я остановился на знакомый голос и оглянулся. Это была та самая девушка, что пела зимой на избирательном участке. «Голубка»... Баянист согласно кивнул. – Хорошо, Маша... – он отпил из кружки пива. – Какую пластинку хочешь? – «Голубку»... Хасанчик начал играть знакомую мелодию. Мария подхватила свою подружку, маленькую и невзрачную женщину, и, танцуя, стала тихонько подпевать: «О, голубка моя, как тебя я люблю, как ловлю я за рокотом моря дальнюю песнь твою». Белое шелковое платье с рюшечками на плечах колыхалось от чувственных па танго, свисали те же красные бусы, когда она наклоняла партнершу, подхватывая ее под талию. Туфельки с ремешком, белые носки. В какой-то момент она оступилась и, потеряв равновесие, женщины повалились на песок. Все рассмеялись. – Хватит! – отряхиваясь, раздраженно оглядываясь по сторонам, сказала ее некрасивая подруга. – Ты совсем бухая! Мария вдруг расхохоталась. – Я? Бухая? Это ты, Лолка, танцевать не умеешь! Ну-ка, продолжим! – и, крепко схватив сопротивляющуюся женщину, Мария продолжила танец.

– Где б ты ни плавал, всюду к тебе, мой милый, Я прилечу голубкой сизокрылой, Парус я твой найду над волной морскою, Ты мои перья нежно погладь рукою... –

громко пела она, вызываясь оглядываясь по сторонам. Наверное, она заметила его взгляд. Приостановилась и, взяв Коробкина пальцами за подбородок, спросила со смехом: – Что уставился, пацан? Нравлюсь? И снова мягкой будоражащей волной окутал ее запах. Манящий. Таинственный. Даже водка не перебила его. Первый раз Слава видел ее лицо так близко.

И тонко выщипанные брови, и слегка размазанная помада не могли испортить необыкновенную красоту женщины. Голубые глаза блестели то ли от возбуждения, то ли от слез. – Ну, что молчишь? Баянист перестал играть. – Маша, шла бы ты лучше домой... – сказал он, глядя куда-то в сторону своими незрячими глазами. – Перебрала ты маленько... – Точно! Идем, Маша... – подруга потянула ее за руку. – Ты совсем пьяная... – Я не пьяная! – она вдруг захотала и снова взглянула на меня. – Ну, признайся, я тебе нравлюсь? В голове Славы запрыгали какие-то слова. «Да! Да! Да! Конечно! Еще там, зимой! Ты очень красивая! И поешь здорово!» Но, поняв, что сейчас совру, покраснел, грубо откинул ее руку и выпалил: – Дура ты! И побежал прочь. Вслед послышался ее смех. Мне не хотелось домой. Коробкин побродил по парку, пострелял в тире, потом уселся за раковиной эстрады, где продолжался концерт военного оркестра, и увидел, как в сторону аттракционов бегут люди. Меня окликнул один из знакомых ребят. – Ты че здесь торчишь? Бежим! Там такое творится! В нашем парке, как, наверное, и во всех парках того времени, было несколько популярных аттракционов. Карусели, «комната смеха» с кривыми зеркалами, уродующими фигуры, почему-то вызывающие смех, тир с покоцанными фигурками зверей и мельницей, лотерея со свернутыми бумажками и выигрышами в виде карандашей. Но самым главным и любимым аттракционом были «Воздушные лодки». Что греха таить, Славка с компанией часто залезали в кусты около этих лодок, снизу рассматривая развевающиеся юбки и платья, под которыми можно было различить женские трусики. Коробкин бежал по аллее мимо забора летнего кинотеатра, откуда слышалась музыка из «Большого вальса», смех актеров. Перекрывая вальс, со стороны аттракционов доносились крики, трели милицейского свистка и, главное, страшный скрип. У «Воздушных лодок» собралась толпа со всего парка. Успели прибежать музыканты с танцплощадки, дружинники, «стиляги». Фильм, видимо, кончился, и толпа стала еще больше. Для кого-то это было очередным развлечением, но большинство со страхом смотрело вверх. Деревянная конструкция из длинных бревен, скрепленная большими скобами, угрожающе раскачивалась. Пять лодок из шести стояли пустыми внизу. Лишь одна взмывала вверх, потом летела вниз и снова поднималась, задевая конек конструкции металлическими прутами, к которым была прикреплена лодка. Держась руками за поручни, энергично сгибая и разгибая сильные ноги, Мария, что-то крича, раскачивала лодку все выше и выше. – Маша! – кричала снизу ее подруга. – Прошу, остановись!!! Милиционер свистел в свой свисток: – Гражданка, немедленно прекратите раскачивать лодку! Испуганный, белый как полотно, зритель ломал руки и говорил торопливо директору парка: – Я ей говорил, говорил сто раз! Лодка сломана! Тормозов нет... Клянусь, я не виноват, начальник! Она сама! Залезла пьяная... Тормоз в виде доски с прибитой автопокрышкой был и в самом деле сломан пополам и безжизненно висел. Директор парка в сердцах ударил зрителя по шее. – Скотина! Если что случится, засажу... – Да не виноват я! – кричал зритель, размазывая по лицу слезы. – Скорую надо вызвать... – сказал директор парка кому-то. – Уже... Едет... – Маша! Прошу тебя, ради Христа, остановись! А Мария, словно не видя и не слыша никого, хохотала, все сильнее и сильнее раскачивая лодку. Платье ее колыхалось от ветра, обнажая ноги почти до ягодиц. Неожиданно нитка бус лопнула, и красные шарики разлетелись вокруг. Я успел схватить одну из бусин, упавшую в пыль, и сунул ее в карман. – Вы ее подруга? – спросил директор парка Лолу. – Да... – Ну сделайте что-нибудь, уговорите ее! Есть кто-нибудь у нее? Муж, дети, родители? – Да нет у нее никого... Одна она... – заплакала девушка. – А сегодня ей извещение из Подольска пришло... Нашли ее жениха, Васю... Шестнадцать лет он был «без вести пропавшим»... А теперь вот захоронение нашли... Лучше бы и не писали! – она снова закричала. – Маша, Мария! Остановись... Лола осеклась на полуслове. Именно в этот момент Мария отпустила поручень и на самом взлете вылетела из лодки... Толпа охнула. – А-а-а!!! – закричал кто-то страшным голосом. – Ма-ша-а-а!!! Мария упала за забор аттракциона. На твердую, как цемент, землю. Глухой, страшный удар. Какой-то утробный вскрик... Все бросились к ней. Милиционер и дружинники разгоняли толпу, сжи-

мающуюся в плотное кольцо. – Отойдите! Ей дышать нечем! – кричал кто-то. – Не трогайте ее! Можете хуже сделать! – кричал другой. – Где скорая?! Почти ползком, раздвигая чьи-то ноги, Слава приблизился к ней. Мария еще дышала. Но это дыхание больше было похоже на хриплый стон. Из рта текла кровь. – Дайте дорогу!!! Через толпу торопливо несли носилки. – Да разойдитесь же вы! Кто-то с силой двинул Коробкина в бок. – Сказали тебе, иди отсюда! Санитары осторожно переложили женщину на носилки. Кровь окрасила белое платье. – Скорее... Скорее... И вдруг... Тело Марии задергалось, задвигалось мощными волнами с ног до головы, словно все мышцы взбунтовались, не желая умирать. Я не знаю, сколько это продолжалось. Неожиданно тело Марии застыло. – Все... Кончилась... – один из санитаров перекрестился. Они подняли носилки и не торопясь понесли ее к машине. Пустая облупленная лодка со сломанным тормозом продолжала тихонько раскачиваться. Толпа понемногу стала расходиться, обсуждая несчастный случай... Слава шел домой на ватных ногах. Бессмысленно корил себя за то, что сказал совсем не то, что хотел сказать Марии. Нашупал в кармане красную бусину. Она была деревянной, покрашенной эмалью. Ночью Коробкин не мог заснуть. И, стараясь, чтобы не услышала мама, плакал, уткнувшись в подушку. Красная деревянная бусина Марии долго хранилась в ящике старого буфета среди мелкого барахла. А потом затерялась куда-то.

О, голубка моя, будь со мною, молю, В этом синем и пенном просторе, В дальнем родном краю...

Нуриев говорил по телефону. Юлдашевас заглянул в кабинет.

- Вызывали, Карим Нуриевич?

Нуриев не ответил. В трубку сказал:

- Я все понял, Закир. Пусть твой следователь делает свое, а я с Юлдашевасом решу сам.

Все.

Он поднял на литовского татарина тяжелый взгляд.

- Рассказывай.

- Я в чем-то провинился, Карим-ака?! Объясните, я ничего не понимаю.

- Не понимаешь?!

Спокойствие Нуриев было зловещим.

« Чем я провинился перед хозяином? »

- Вспомни, где ты раньше видел этого ...щелкопера?

- Какого?! – и Юлдашевас тут же сник.

- Ну вот! Сам вспомнил! Так?

- Так, - сдавленно подтвердил Юлдашевас.

- Тогда объясни, я слушаю.

- Карим-ака, не думал я... поверьте, это ведь когда было! Сколько лет прошло! Пацан был молодой! И принесл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.